

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.42>

Скоробогатова Таисия Ивановна, Суралева Ольга Юрьевна

Оценка качества перевода на русский язык романа Пьера Леметра "Au revoir, l?-haut" ("До свидания там, наверху")

В статье дается оценка перевода на русский язык романа французского писателя Пьера Леметра "Au revoir l?-haut" ("До свидания там, наверху"), выполненного Дарьей Мудролюбовой. Одним из основных критериев качества художественного перевода является уровень адекватности эстетического воздействия оригинала и перевода. Авторы приходят к заключению, что эквивалентность и адекватность перевода не достигнуты ввиду трансформации ситуационно-эмотивного сценария романа П. Леметра, вызванной увлеченностью экспрессивной конкретизацией в ходе реализации переводческих стратегий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 214-219. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Каминская Е. В. Фразеология библейского происхождения во французском и русском языках: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004. 218 с.
9. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография. Часть 1. Природа и космос. СПб.: РГПУ, 2003. 319 с.
10. Корнеева А. П. Английские фразеологические единицы библейского происхождения в языке и речи: дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 296 с.
11. Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А., Будницкая И. А. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц / под ред. Э. И. Левинтовой. М.: Рус. яз., 1985. 1080 с.
12. Мендельсон В. А. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском и русском языках: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2002. 347 с.
13. Мёд Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи): монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 230 с.
14. Субочева А. Н. Системный анализ библейских фразеологизмов из лексикографических трудов В. И. Даля: дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 319 с.
15. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.
16. Фирсова Н. М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах: монография. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 176 с.
17. Хайитов Б. Т. Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии. М.: Московский лицей, 1996. 49 с.
18. Черданцева Т. З. Язык и его образы. Очерки по итальянской фразеологии: монография. М.: ЛКИ, 2007. 168 с.
19. Hallig R., Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für Lexikographie. Berlin, 1963. 316 S.
20. Iñesta Mena E. M., Pamies Bertrán A. Fraseología y metáfora: aspectos tipológicos y cognitivos. Granada: Método, 2002. 286 p.
21. Luque Durán J. de D., Manjón Pozas F. J. Claves culturales del diseño de las lenguas: fundamentos de tipología fraseológica [Электронный ресурс]. URL: <http://elies.rediris.es/elies16/Claves.html> (дата обращения: 24.10.2016).
22. Pamies Bertrán A., Iñesta Mena E., Lozano W. C. El perro y el color negro, o el componente valorativo en los fraseologismos // Léxico y fraseología. Granada: Método Ediciones, 1998. P. 70-86.

Phraseo-Semiotic Link as Indicator of Phraseological Fields Correlation (by the Material of the Spanish and French Languages)

Nemtseva Kseniya Igorevna, PhD

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

nomeolvides-1@yandex.ru

The paper aims to reveal universal and nationally specific features of representation of religious images and conceptions in the Spanish and French phraseology, which allows identifying differences in the national religious consciences. Scientific originality of the study lies in the fact that analysing correlation of the phraseo-semantic field “Human Being” and the phraseo-thematic field “Religion”, the author ascertains stereotype relations between the plane of expression and the plane of content of the phraseological units. The conclusion is made on the existence of phraseo-semiotic links common for both the languages and idio-ethnic links typical only of one particular language.

Key words and phrases: phraseo-thematic field; phraseo-semantic field; phraseological unit; phraseo-semiotic link; phraseo-sememe.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.42>

Дата поступления рукописи: 16.03.2020

В статье дается оценка перевода на русский язык романа французского писателя Пьера Леметра “Au revoir là-haut” («До свидания там, наверху»), выполненного Дарьей Мудролюбовой. Одним из основных критериев качества художественного перевода является уровень адекватности эстетического воздействия оригинала и перевода. Авторы приходят к заключению, что эквивалентность и адекватность перевода не достигнуты ввиду трансформации ситуационно-эмотивного сценария романа П. Леметра, вызванной увлеченностью экспрессивной конкретизацией в ходе реализации переводческих стратегий.

Ключевые слова и фразы: перевод; лингвокультура; лингвокультурная адаптация; экспрессивная конкретизация; французский язык; Пьер Леметр; Дарья Мудролюбова.

Скоробогатова Таисия Ивановна, д. филол. н., доц.

Суралева Ольга Юрьевна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

skorobogatova@sfedu.ru; souraleva@sfedu.ru

Оценка качества перевода на русский язык романа Пьера Леметра “Au revoir, là-haut” («До свидания там, наверху»)

Мы живем в эпоху переводов. Прочно заняв видное место в литературной нише, перевод произвел поворот в умах читателей, став посредником между двумя контактирующими при переводе лингвокультурами,

своего рода «барометром культуры», по образному выражению французского историка Даниэля Мило (Daniel Milo) [Цит. по: 12, с. 5].

Следует признать, что на современном этапе франкоязычная художественная литература не пользуется широкой популярностью у российской читательской аудитории. По мнению переводчицы Нины Хотинской, российские читатели сегодня отдают предпочтение таким авторам, как Марк Леви, Анна Гавальда, Фредерик Бегбедер, Гийом Мюссо [13].

Имя Пьера Леметра (род. в 1951 г.) все же знакомо российской публике. Так, Римма Генкина, переводчица с французского, среди работ которой переводы популярных книг М. Леви, осуществила в 2009 г. перевод романа П. Леметра «Свадебное платье жениха» (*Robe de marié*), Татьяна Источникова в 2011 г. – триллера «Алекс» (*Alex*) и др. Однако если до этого Пьер Леметр в большей степени был известен мировому литературному сообществу как один из французских писателей и сценаристов, то в 2013 г. его имя приобрело мировую известность после того, как он был удостоен Гонкуровской премии (*Prix Goncourt*), наиболее престижной среди французских писателей, присужденной ему за работу над романом «Au revoir là-haut». В 2015 г. этот роман вышел на русском языке под названием «До свидания там, наверху» в переводе Дарьи Мудролюбовой.

Надо отметить, что Д. Мудролюбова – опытный и плодовитый переводчик: в ее переводе увидели свет роман Матье Габори «Король пепла» (*Le roi des cendres*, 2004) из цикла «Хранители» (*Les chroniques des Féals*), роман Гастона Леру «Призрак оперы» (*Le Fantôme de l'opéra*, 2005) и др.

Причиной такой быстрой реакции книжного рынка послужил тот факт, что в августе 2014 г. исполнялось сто лет с момента начала Первой мировой войны (1914-1918). Внимание, прикованное к роману как со стороны французской читательской аудитории, так и российских читателей, становится очевидным. Равно как и объяснимым является ожидание того, что подобное произведение будет соответствовать столь значимому историческому событию и высокой литературной награде. Однако если французские читатели могут напрямую познакомиться с нашумевшим романом, то для русскоязычных читателей, не владеющих французским языком, единственной возможностью в данном случае является знакомство с переводом данного сочинения на русский язык. Понимание и восприятие русским читателем романа П. Леметра, а также его оценка полностью определяются переводным вариантом произведения. Исходя из нашего понимания перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации, процитируем М. В. Межову, считающую, что цель, к которой необходимо стремиться, заключается в том, чтобы «перенести художественное произведение из одной культурной среды в другую с наименьшей потерей культурных особенностей подлинника и с наибольшим сохранением межкультурной ценности произведения» [6, с. 56].

Таким образом, **актуальность** исследования, проведенного нами, обусловлена следующими взаимосвязанными факторами: приобретением масштабности и социальной значимости переводческой деятельности на современном этапе; появлением в издательском мире Российской Федерации нового имени – Пьера Леметра; наличием единственного на сегодняшний день перевода романа П. Леметра «До свидания там, наверху» (*Au revoir là-haut*) на русский язык; дискуссионностью в современном переводоведении проблемы оценки качества перевода, отсутствием единого набора критериев оценки, выстроенных в иерархии.

Научная новизна работы видится нам в том, что роман П. Леметра «До свидания там, наверху» рассматривается нами не в фокусе литературоведческого анализа, а с позиций переводческой критики, в рамках которой системный подход к оценке качества перевода все еще находится на стадии становления.

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы дать оценку перевода с учетом степени лингвокультурной адаптации и уровня сохранения индивидуально-авторской эстетики в процессе перевода на русский язык Д. Мудролюбовой текста романа П. Леметра «До свидания там, наверху» (*Au revoir là-haut*). Поставленная цель обусловила необходимость реализации следующей **задачи**: провести анализ и представить интерпретацию позиции переводчицы Д. Мудролюбовой в области селекции средств передачи идиостиля П. Леметра и состоятельности переводческих решений в достижении уровня лингвокультурной адаптации текста-оригинала, соответствующего реципиентам данного художественного произведения – русским читателям.

Литературный критик Надежда Сергеева, написавшая отзыв о переводе данного романа, дала такую характеристику: «Логические несоответствия и стилистические курьезы пестрят на страницах книги» [10]. Этот нелестный отзыв напоминает о том, что «от профессионализма переводчика, его качественного или некачественного перевода зависит уровень общения представителей двух лингвокультур, а также те действия, которые могут быть предприняты или не предприняты» [3, с. 73].

Действительно, при детальном анализе перевода Д. Мудролюбовой внимание филологов привлекает ярко выраженная лексика сниженного регистра переводного текста. Мы можем предположить, что одной из основных стратегий, избранных переводчиком (осознанно или, может быть, неосознанно), является номинативная стратегия, предполагающая выбор переводчиком таких лексических единиц, «которые позволяют ему с его точки зрения максимально успешно реализовывать в заданных коммуникативных условиях свою интенцию» [1, с. 6]. На протяжении чтения всего текста перевода наблюдается прочное стремление, сложившееся у переводчицы, к замене преобладающего в оригинале нейтрального стиля на подчеркнуто разговорный стиль с использованием обилия грубо-фамильярной и просторечно-разговорной лексики.

Так, описывая одного из героев, лейтенанта Праделя, П. Леметр пишет: *Monter à l'assaut, attaquer, conquérir lui plaisaient vraiment* [14, р. 16]. В русскоязычном переводе мы читаем: *Ну нравилось ему идти на штурм, в атаку и чтобы все ему покорялись* [4, с. 11]. Как мы видим, разница между стилями изложения исходного и переводного текста видна невооруженным глазом. На этой же странице читаем продолжение

описания Праделя: *Depuis quelque temps, justement, il était moins fringant qu'à l'accoutumée* [14, p. 16]. / *С недавних пор лейтенант малость поутих* [4, с. 11]. Несмотря на явное применение переводческих трансформаций, нацеленных на достижение эквивалентности текста перевода тексту подлинника, таких, как, например, конкретизация (личное местоимение *il* заменено на существительное, обозначающее воинское звание, *лейтенант*), общая интонация и стилистика франкоязычного текста нивелирована использованием просторечных выражений в русском переводе.

Далее автор описывает Альбера Майяра: *Et très vite, il y avait eu Cécile, la passion tout de suite* [14, p. 20]... / *К тому же вскоре появилась Сесиль, он немедленно втюрился* [4, с. 15]. Мы можем предположить, что, выбрав данную лексическую единицу, переводчик хотел подчеркнуть неопытность Альбера, оттенить тот факт, что Альбер, по сути, еще мальчишка, и его присутствие на этой войне нелепо. Однако, как бы то ни было, задача переводчика – создать перевод, эквивалентный оригиналу, несущий в себе ту же импрессивную эквивалентность, что и исходный текст, тогда как перевод Д. Мудролюбовой явно стилистически и эмоционально более окрашен, чем подлинник.

И примеров подобных стилистических несоответствий во вторичном тексте немало: *Les rapports concernant vos activités* [14, p. 469]... / *Репорты, касающиеся ваших делюшек* [4, с. 411]; *Pradelle espérait un bénéfice net de deux millions et demi* [14, p. 170]. / *Прадель рассчитывал огрести чистыми два с половиной миллиона* [4, с. 145]; *...si elle n'avait pas eu l'idée imbécile* [14, p. 174]... / *...если бы ей не втемяшилась в голову идиотская мысль* [4, с. 149]...; *Nous en sommes... nulle part* [14, p. 223]! / *Тут у нас... хреново* [4, с. 193]!; *Labourdin ouvrit la bouche* [14, p. 225]... / *Лабурден отвесил челюсть* [4, с. 195]...

Невозможно не привести пример с переводом французского фразеологизма *faire fortune* (букв. сделать богатство; дескриптор: разбогатеть), встречающегося во вторичном тексте не один раз: *...il allait faire fortune* [14, p. 271]... / *...он загребем целое состояние* [4, с. 234]; *Édouard avait fait fortune* [14, p. 506]... / *Эдуар сколотил себе состояние* [4, с. 442]...

Кроме того, стоит отметить, что, меняя стилистический и эмоциональный фон оригинала, Д. Мудролюбова часто прибегает к замене повествовательного типа предложения на восклицательный. Так, например, во французском варианте читаем: *Font chier* [14, p. 353]. / *Решили пудрить мозги* [4, с. 308]!; *Tu pouvais pousser à quatre cents, facile* [14, p. 153]. / *Мог содрать четыре сотни, легко* [4, с. 131]! Таким образом, все приведенные нами примеры несут в себе большую языковую эмотивность за счет изменения типа предложения с повествовательного на восклицательный.

Некоторые языковые единицы в тексте перевода настолько изменили стилистику и эмоциональную окраску оригинала, что догадаться, что перед нами перевод французского произведения, не представляется возможным: *Il aurait pu faire tous les efforts possibles* [14, p. 286]... / *Можно было устараться вустерть* [4, с. 247]...; *Je te jure* [14, p. 242]... / *Чесслово* [4, с. 209]...; *Tu es complètement fou* [14, p. 402]! / *Ты совсем сбрендил* [4, с. 351]!?

Перейдем к анализу перевода рассматриваемого нами романа сквозь призму взаимодействия двух контактирующих лингвокультур – французской и русской. Так, например, день, навсегда изменивший жизнь главных героев Альбера Майяра и Эдуара Перикюра, отмечен датой 2 ноября 1918 г. В оригинале мы читаем: *C'était le 2 novembre 1918... Et attaquer le jour des Morts, en plus. On a beau ne pas trop s'attacher aux symboles* [14, p. 18]... Д. Мудролюбова переводит эти предложения следующим образом: *На календаре было 2 ноября 1918 года... К тому же напали-то в День поминовения усопших. Даже если не придавать значения символам, а все же* [4, с. 13]... Из контекста мы понимаем, что значение этого праздника важно для понимания описываемых событий, однако для русскоязычного читателя данное понимание затруднено, поскольку в нашей культуре такой праздник отсутствует, т.к. *День поминовения* – это католический праздник, в который чтут память умерших. Приведем другой пример. Так, в тексте подлинника мы читаем: *Le 14 Juillet révolutionnaire pour fêter la victoire de la Grande Guerre* [14, p. 274]! Если мы будем переводить дословно, то *Le 14 Juillet révolutionnaire* будет звучать как *Революционное 14 июля*. Однако подобный перевод неспособен раскрыть для реципиента – представителя русской культуры – суть данного фестонима (от лат. *festa* – праздник). Д. Мудролюбова, осознавая разницу во французской и русской культурах, дает пояснение в самом тексте, расширяя данную фразу и адаптируя ее для читателей: *Четырнадцатого июля, в День взятия Бастилии, праздновать победу в Великой войне* [4, с. 236]!

Однако не все фразы, содержащие в себе культурный компонент, сопровождаются пояснениями переводчика. В контексте этой же беседы, во время которой героями была произнесена предыдущая фраза, мы встречаем еще одну значимую дату – одиннадцатое ноября (*Armistice du 11 novembre 1918* – День перемирия): *Je dis, moi, qu'il n'y a qu'une date pour rendre hommage aux héros, c'est le 11 novembre* [14, p. 274]! В анализируемом нами переводе комментария по поводу данной даты нет: *Я считаю, что есть только одна дата, пригодная, чтобы воздать честь героям: это Одиннадцатое ноября* [4, с. 237]! В данном контексте переводчиком подразумевается, что представитель русской нации, обладающий определенными фоновыми знаниями, должен знать, что 11 ноября 1918 г. было подписано соглашение о прекращении военных действий в Первой мировой войне между Германией и Антантой, военно-политическим блоком, в составе которого находились Россия, Франция и Великобритания. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с датой, предположительно знакомой представителям обеих контактирующих в данном переводе культур. Кроме того, в самом тексте, как оригинала, так и перевода, мы встречаем аллюзию на эту дату, раскрывающую ее суть: *C'était le 2 novembre 1918. On ne le*

savait pas encore, on était à moins de dix jours de la fin de la guerre [14, p. 18]. / *На календаре было 2 ноября 1918 года. Кто ж знал, что не пройдет и десяти дней, как война будет окончена* [4, с. 13].

И наконец, еще одной датой, помещенной автором на страницы данного романа и содержащей в себе культурную информацию, является Первое ноября (*La Toussaint* – Праздник всех святых): *Que ce soit le 14 Juillet, le 1er Novembre, Noël ou la saint-glinglin, tu t'en moques complètement* [14, p. 274]! В переводе данного предложения на русский язык сохраняется обозначение даты как *Первое ноября*, однако для представителя русской лингвокультуры данный эортоним не несет в себе смысловой нагрузки, что вполне объяснимо, т.к. первое ноября является католическим праздником, днем памяти святых мучеников. В анализируемом нами предложении есть еще одно слово из лексического пласта, содержащего в себе национально-культурный компонент и способного породить непонимание у российского читателя – *la saint-glinglin*. Это выражение также связано с принадлежностью Франции к католической церкви и обозначает несуществующий день в католическом литургическом календаре, отсылающий к неопределенному и отдаленному дню или даже к событию, которое никогда не случится [15, p. 466]. Однако поскольку для русской лингвокультуры католическая традиция является чуждой, то переводчик адаптирует данное выражение для менталитета реципиента – представителя иной культуры, исходя из того, какое выражение в русском языке будет способно передать значение неопределенности времени свершения события или же вообще его невозможности: *когда рак на горе свистнет* [4, с. 237].

В некоторых случаях, сталкиваясь со свойственными французской культуре, но отсутствующими в русской реалиями, переводчик вынужден делать примечания, предназначение которых – облегчить понимание читателями тех или иных деталей повествования. Так, например, в оригинале мы читаем: *Henri d'Aulnay-Pradelle fit machinalement le rapprochement entre, là-bas, loin devant lui, la cigogne qui surmontait le bouchon du radiateur et la lourde corpulence de Dupré* [14, p. 247]... / *Анри д'Ольнэ-Прадель машинально провел параллель между аистом, возвышавшимся далеко впереди над крышкой радиатора, и тяжелой тучностью Дюпре* [4, с. 213]. Для французского читателя в данном предложении все должно быть очевидным, однако для русского читателя упоминание и значение аиста, парящего над крышкой радиатора, представляют определенную трудность для понимания. Д. Мудролюбова нивелирует это межкультурное различие, добавив примечание: *Летящий аист (символ Эльзаса и Лотарингии) был на знаке эскадрильи, которой командовал друг Марка Биркигта, конструктора «испано-сюизы», – знаменитый французский ас, капитан Жорж Гинемер* [Там же].

Далее П. Леметр упоминает Жоржа Гинемера, сравнивая его со своим героем: *...Georges Guynemer, un être d'exception. Du même calibre qu'Henri, hormis que Guynemer était mort tandis qu'Henri était toujours vivant, ce qui lui assurait, sur le héros de l'aviation, une incontestable supériorité* [14, p. 248]. / *...Жорж Гинемер, исключительная личность. Того же калибра, что и Анри, с тем лишь исключением, что Гинемер погиб, а Анри все еще жив, что и обеспечивало ему неоспоримое превосходство над героем авиации* [4, с. 214]. Поскольку велика вероятность того, что представитель русской лингвокультуры не обладает знаниями о личности Жоржа Гинемера и его значимости для представителей французской нации, то переводчик дает следующее пояснение в конце страницы: *Жорж Гинемэр (1894-1917) – легендарный французский пилот-истребитель времен Первой мировой войны, сбивший 53 самолета противника* [Там же]. Таким образом, рушится лингвоэтнический барьер между двумя контактирующими в данном переводе культурами.

Однако подобных барьеров остается еще достаточно. Как мы уже наглядно показали выше, имена и фамилии, принадлежащие представителям французской нации, будь то герои, отличившиеся в боях, государственные деятели или же просто личности, оставившие свой след в истории страны, составляют один из основных пластов культуры, содержащих в себе специфичный культурный компонент. Именно поэтому антропонимы в большинстве своем требуют пояснения, т.к. в них «могут сливаться, взаимодействовать национальное и интернациональное, национальное и иноязычное» [5, с. 96].

Так, при очередном сравнении, которое автор романа делает с одним из своих персонажей, он упоминает некоего Ландрю, «некоего» – для нас, русскоязычных читателей, но весьма известного среди французов: *A côté de toi, Landru va passer pour un communiant* [14, p. 329]. / *Рядом с тобой Ландрю выглядит как святая невинность* [4, с. 285]! В данном контексте переводчик снова облегчает восприятие читателями французской действительности, раскрывая в примечании информацию о личности Ландрю: *Андре Дезире Ландрю – французский серийный убийца, известный под прозвищем Синяя Борода из Гамбе* [Там же]. Фамилия Ландрю встретится нам еще раз, однако уже в паре с другой: *Jules d'Épremont et ses complices... Ils deviendraient des phénomènes d'actualité, des curiosités, comme Raoul Villain l'avait été, comme Landru le devenait* [14, p. 543]. / *Жюль д'Эпремон и его подельники... Они станут фактом действительности, знаменитостями, как это было с Раулем Виленом, как это происходит с Ландрю* [4, с. 476]. Если Жюль д'Эпремон и Ландрю уже известны русскоязычному читателю, первый – как вымышленный персонаж, фигурирующий в романе, второй – как реально существовавший в истории Франции убийца, то имя Рауля Вилен в большинстве своем не несет для русского читателя никакой информационной нагрузки и никак не поясняется в тексте перевода. Напомним, что Рауль Вилен (1885-1930) – французский националист, «прославившийся» убийством известного французского социалиста Жана Жореса (Jean Jaurès, 1859-1914) 31 июля 1914 г., накануне начала Первой мировой войны. Из этого мы можем сделать вывод, что в переводческой деятельности всегда присутствует «личностный фактор», и в некоторых случаях переводчик весьма выборочно и фрагментарно поясняет чуждые иноязычному менталитету явления и реалии.

Так или иначе, но именно поэтому мы можем говорить о переводе как об объекте культуры, «в котором происходит не только диалог, но и конфликт сознаний разных этносов» [7, с. 106]. Кроме того, мы можем

заклЮчить, что, являясь носителем культурно-исторической информации, художественный текст постепенно начинает выполнять функцию исторического документа, свидетеля определенной эпохи, памятника культуры, а его перевод в принимающей лингвокультуре становится феноменом, несущим в себе характерные особенности конкретной культуры, жизни народа (в том числе известных исторических личностей и т.п.) в определенный временной и исторический отрезок времени.

Среди содержащихся в романе явлений отметим наличие географических реалий, мало знакомых или совершенно незнакомых русскоязычному читателю. Так, например, в тексте подлинника есть описание дома, принадлежащего богатой и влиятельной семье: *La famille Péricourt possédait un vaste hôtel particulier dont les fenêtres donnaient sur le parc Monceau* [14, p. 199]. / *Перикурам принадлежал просторный особняк, выходивший окнами в парк Монсо* [4, с. 172]. Однако русскоязычному читателю, не имеющему достаточного преинформационного запаса, трудно постичь значимость городского дримонима в данном контексте, явно помещенного в него автором не случайно. Действительно, дело в том, что парк Монсо является одной из знаменитых достопримечательностей Парижа, будучи расположен в самом его сердце, в VIII округе, рядом с Елисейскими полями и Триумфальной аркой. Следовательно, мы можем утверждать, что автор умышленно этот парк, чтобы подчеркнуть, насколько богатой и влиятельной была семья Перикуров, которая могла позволить себе жить в большом особняке в престижном районе Парижа. Этот пример иллюстрирует наглядное расхождение во французской и русской действительности, которое не всегда может быть нивелировано переводом. По подобным признакам, требующим определенных фоновых знаний, мы можем определить, что описываемые в романе события происходят в Париже, хотя прямо об этом в самом романе не говорится. Подтверждением данной мысли будет упоминание в книге гидронима *Sena: Un truc à se jeter à la Seine* [14, p. 198]. / *Вно-ру броситься в Сену* [4, с. 171]. Лишь «подготовленный» читатель, обладающий достаточными сведениями о географии Франции, расшифрует этот культурный код, зная, что Сена, общая длина русла которой составляет 776 км, протекает и через столицу Франции.

Таким образом, все подобные маркеры в данном романе указывают на его принадлежность к французской культуре и воплощают в себе ее своеобразие, специфику истории и особенности картины мира ее представителей, тогда как задача перевода – отразить все эти культурные компоненты, сделав их доступными для восприятия иноязычного реципиента – русского читателя.

Приведем еще один пример. Описывая лежащего в военном госпитале и мечущегося в бреду героя романа Эдуара Перикура, П. Леметр упоминает артионим *L'Origine du monde* (в русских переводах – «Происхождение мира», «Начало мира», «Рождение мира»): *Au sein de ce camaïeu de banalités quotidiennes... fit irruption de façon récurrente "L'Origine du monde"* [14, p. 62]. / *В средоточие этого наслоения повседневных банальностей... периодически вторгалась «Происхождение мира»* [4, с. 51]. В данной ситуации, ввиду осознания переводчиком трудности понимания этого элемента французской культуры носителями русского языка, мы имеем возможность прочесть внизу страницы примечание переводчика, объясняющее, что «Происхождение мира» является знаменитой картиной Гюстава Курбе, на которой изображена вагина [Там же]. Поскольку Жан Дезире Гюстав Курбе (Gustave Courbet, 1819-1877) – французский художник, то вполне объяснимо, что название его картины, известное французам, поскольку картина в 1995 г. стала частью коллекции крупного парижского музея – *Musée d'Orsay* и выставлена сегодня на всеобщее обозрение, является неизвестным для представителей русской лингвокультуры, мало или вовсе не интересующихся живописью. К. П. Карагода отмечает, рассказывая об этой эпатажной картине кисти Курбе: «...будучи написанной в 1866 г., она впервые стала открыта для широкой публики в конце XX в.» [2, с. 80].

Так, по мнению М. В. Межовой, «для эффективного межкультурного общения на уровне инокультурного художественного текста нужна кросскультурная грамотность, то есть понимание и знание других лингвокультур, осознание их различий в истории, географическом положении, быте, культурных традициях, менталитете, а также значительная степень культурной эквивалентности перевода» [6, с. 172].

Как мы уже могли наблюдать, перевод художественных произведений (в нашем случае романа П. Леметра «До свидания там, наверху»), будучи частью национального литературного наследия, при взаимодействии с иной лингвокультурой способствует тем самым ее развитию и обогащению. Именно благодаря переводу реципиент – представитель иной культуры сталкивается с наиболее яркими примерами культурных различий, и именно вследствие переводческой деятельности художественный текст становится ретранслятором заложенной в нем информации в иную культурную среду.

Использование переводчиком приема экспрессивной конкретизации и породило такие отзывы о романе некоторых российских читателей: «Проза Леметра жесткая, хлесткая, обжигающая, непривычно дискомфортная для заведомо развлекательного жанра»; «...этот труд – превосходный представитель современной прозы, такой, какой она должна быть. Лишь манера изложения автора может испортить впечатление от чтения, как испортила мне» [8], что совершенно идет вразрез с мнением человека, владеющего французским языком: «Изысканность французского слога убита русским переводом наповал» [10]. Интересен тот факт, что русскоязычных переводчиков обвиняют иногда в «робости» при интерпретации труднопереводимых элементов, что порождает «ощущение некоторой формальности и сухости переведенного текста по сравнению с подлинником» [11], однако чрезмерная экспрессивность при переводе может также нанести непоправимый вред авторскому замыслу.

Вполне уместным и целесообразным в этом случае будет вспомнить мысль, высказанную Я. И. Рецкером: «Сопоставление переводов с любого из западноевропейских языков на русский показывает, что... вместо

стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные русские слова» [9, с. 133]. Этот феномен назван Я. И. Рецкером *экспрессивной конкретизацией*.

Выводы. Подытоживая, отметим, что, принимая во внимание рассмотренные нами примеры, мы можем заключить, что русскоязычный вариант романа «До свидания там, наверху» (*Au revoir là-haut*) по своей стилистике и эмоциональной насыщенности не является эквивалентным и адекватным переводом исходного франкоязычного текста. На наш взгляд, можно даже говорить о трансформации ситуационно-эмотивного сценария произведения П. Леметра, к которой привела использованная Д. Мудролюбовой стратегия усиления эмоциональности перевода. По причине изменения переводчиком экспрессивно-стилистического содержания оригинала эстетическая интенция автора не достигла русскоязычного читателя.

Стратегия лингвокультурной адаптации, реализуемая переводчиком, задействована фрагментарно и интуитивно, хотя Д. Мудролюбова и демонстрирует широкий кругозор и глубокие социокультурные знания относительно обеих контактирующих при переводе романа П. Леметра культур.

В дальнейшем мы считаем возможным и *перспективным продолжить изучение* корпусов переводных текстов романа П. Леметра *Au revoir là-haut* с учетом той важности, которую приобретает сопоставительное изучение текстов одного романа, осуществленное разными переводчиками (би-тексты), в связи с проблемами выбора переводческой стратегии и специфики передачи эквивалентности и адекватности.

Список источников

1. Гришаева Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. Воронеж: ВГУ, 1998. 272 с.
2. Карагода К. П. «Происхождение мира» Курбе: проблема современного прочтения шедевра // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 78-89.
3. Кушнина Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в сфере концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. Вып. 6 (12). С. 71-75.
4. Леметр П. До свидания там, наверху: роман / пер. с фр. Д. Мудролюбовой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2015. 544 с.
5. Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. Т. 50. № 6. С. 96-102.
6. Межова М. В. Особенности художественного перевода в структуре межкультурной коммуникации: дисс. ... к. культ. Кемерово, 2009. 182 с.
7. Межова М. В. Художественный текст как элемент культуры: переводческий аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39). Ч. 1. С. 106-109.
8. Отзывы о книге «До свидания там, наверху» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000797738/reviews-do-svidaniya-tam-na-verhu-per-lemetr> (дата обращения: 17.12.2019).
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и комм. Д. И. Ермоловича. М.: Р.Валент, 2007. 244 с.
10. Сергеева Н. Эй, вы там, наверху! – рецензии и отзывы [Электронный ресурс]. URL: <http://prochтение.ru/reviews/28042> (дата обращения: 03.01.2020).
11. Стрельницкая Е. В. Эмотивность и перевод: особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. URL: <http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/strelnitskaya.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).
12. Хапаева Д. Р. Герцоги республики в эпоху переводов: гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 264 с.
13. Découvrez Nina Khotinskaya, traductrice du français vers le russe [Электронный ресурс]. URL: <https://soonkindt.com/news-traducteurs/decouvrez-nina-khotinskaya-traductrice-du-francais-vers-le-russe/> (дата обращения: 20.02.2020).
14. Lemaitre P. Au revoir là-haut. P.: Éditions Albin Michel, 2013. 624 p.
15. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P.: Le Robert, 2009. 1086 p.

Analysis of the Russian Translation of Pierre Lemaître's Novel "Au revoir là-haut" ("The Great Swindle")

Skorobogatova Taisiya Ivanovna, Dr
Suraleva Ol'ga Yur'evna

Southern Federal University, Rostov-on-Don
skorobogatova@sfedu.ru; souraleva@sfedu.ru

The article analyses the Russian translation of Pierre Lemaître's novel "Au revoir là-haut" ("The Great Swindle") executed by Darya Mudrolyubova. One of the basic criteria of literary translation quality is the level of adequacy of aesthetic impact of the original and the translated text. The authors conclude that equivalence and adequacy of the translation are not achieved because the translator has a tendency to excessive expressive concretization, which resulted in transformation of situational and emotive scenario of Pierre Lemaître's novel.

Key words and phrases: translation; linguo-culture; linguo-cultural adaptation; expressive concretization; French language; Pierre Lemaître; Darya Mudrolyubova.